К. И. Красильников

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (СМК) (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩ СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ)

Проблемы темы

Хозяйственный потенциал СМК обычно рассматривают не как комплексное явление жизни населения в структуре Хазарского каганата, а зачастую как отдельные отрасли: земледелие, ремесла, промыслы, скотоводство. В суждениях о них в основном ссылаются на постройки, приспособления в них, найденные орудийные комплексы, относящиеся к названным отраслям. Традиционно более всего привлекает внимание сельское хозяйство и его составляющие, связанные с землеобработкой, зернопроизводством, по остеологическим данным скотоводство. Значительно меньше информации по хранению, утилизации продуктов, совершенно мало сведений из палеоботаники, палеозоологии, в целом палеоэкономическим данным касающихся возможностей хозяйственного потенциала с учетом физико-географических условий местонахождения поселений.

Справедливости ради следует заметить, что в последнее время в салтоведении обозначился интерес к региональному анализу хозяйства. В данном случае речь идет о лесостепной зоне СМК и опыте исследования хозяйственного уклада алано-славянского этноса [9]. Предложенные направления поисков, естественно, порождают вопросы, одни из которых обозначают проблемы, другие – рабочие гипотезы. В числе первых, в контексте хозяйственной темы, выделим содержание «приселищных хозяйственных зон» [9, с. 54, 61, 73, 94 и сл.]. В них, исходя из фондов «старопахотных земель», авторы определяют ресурсные возможности, допустимую урожайность, виды злаковых культур и другое. К числу рабочих гипотез следует отнести орудийные комплексы, необходимые в зернопроизводстве. К примеру, среди перечня орудий земледелия неоднократно упоминают «мотыжки», изделия широко известные в материалах СМК. Судя по условиям их обнаружения в погребениях, следам, сохранившимся на стенах могил, котлованов полуземлянок, мергельных строительных блоках, плах, наконец, способу крепления к древку и другим признакам, вряд ли миниатюрную мотыжку следует относить к числу орудий с помощью которых рыхлили почвы под посевы [21, с. 38–39; 9, с. 33, 65, 78, 128–130 и др.].

VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

Мотыжки, но не тяжелые мотыги, как землеройный инструментарий, обозначены М. И. Артамоновым [2, с. 43, рис. 29, 1], И. И. Ляпушкиным [17, с. 119, рис. 10]. В этой связи нет необходимости «оспаривать» в них факт землекопного орудия [23, с. 146; 9, с. 31]. В системе же землеобрабатывающего орудия Б. Д. Греков считает очень вероятным у болгар, имея в виду булгар X века Поволжья, способы обработки земли при помощи тяжелых мотыг и пашущих орудий. Автор при этом ссылается на косвенные факты из письменных источников, засвидетельствовавших встречи посольства Багдада в лице Ибн-Фадлана «хлебом, мясом, просом», являющимися главными продуктами страны болгар [6, с. 80].

Письменные свидетельства Хазарии не конкретизируют хозяйственную специфику собственной территории, а тем более её периферии. В них не более чем в общем виде упомянуты виноградники, сады близ городов и поля в степях, но в тоже время совершенно определенно сообщается о дани, собираемой с подчиненных каганату народов [3, с. 171]. Среди упомянутых данников названы и «булг-р» которые по данным хазар обитают в открытой местности [24, с. 9–10]. Подобные географические привязки и население из них, вероятно, соответствуют землям периферии каганата к западу от Саркела. Несомненно, этот сельскохозяйственный район был обжит оседлым населением. Оно освоило увлажненные прибрежные террасы степных рек, задействовав их под земледелие и одновременно приселищное скотоводство.

Факты констатируют

Одна из особенностей поселений степного левобережного Подонцовья – их размеры. Протяженность отдельных селищ в этой части Северского Донца 600–1000 м, вглубь до 200 м, следовательно занимают площади до 120–200 тыс. м^2. На правобережном Подонцовье находится Донецкий кряж, который представлен почвенными физико-геологическими условиями, существенно ограничивающими земледельческую отрасль, но способствующими хозяйству скотоводческого направления. Поселения этой части степного Подонцовья заметно меньших размеров, их площадь составляет 30–35 тыс. м^2 и не превышает 50 тыс. м^2. Они обустроены на небольших мысах-площадках почти в поймах мелких рек среди скальных выходов кряжа из байрачных лесов. Таким образом, природно-ландшафтные условия степной части существенно определяли направления хозяйственной деятельности здешнего населения.

Обстоятельствами, влияющими на отраслевую систему, как и организацию хозяйства, следует соизмерять с экономическими интересами каганата, с учетом востребованности продукции взимаемой в виде дани, о чем не умалчивают сами хазары [3, с. 172; 24, с. 55–57]. Плательщиками дани, естественно, являлись не только праболгары степей, но и другие народы, обеспечивая при этом продуктовую стабильность каганата [22, с. 52–61; 7, с. 32].

На факты же зависимости населения степного Подонцовья от хазар, впервые обратил внимание И. И. Ляпушкин, однако хозяйственный потенциал его обитателей им не рассматривался [18, с. 140].

В раскопках проведенных на степных поселениях, раскрыто более 110 хозяйственно-бытовых и жилых строений различного назначения, порой объединенных в комплексы из 2–3 помещений. Одни традиционно состоят из жилищ, бытовых пристроек – кухонь, хозяйственных ям, иногда небольших производственных помещений. Другие включают жилые и прочие постройки, обустроенные на некотором удалении одна от другой. Между ними намечаются незастроенные пространства, своего рода дворы. Третьи включают набор строений жилого, производственного, бытового, подсобного назначений расположенных на пространствах, площадь которых составляет порой несколько сот квадратных метров. Такие комплексы, естественно, связаны со стабильной хозяйственной инфраструктурой отдельной семьи [16, с. 161–162].

Рассматривая аналогичные комплексы поселений лесостепной части СМК необходимо отметить, что в данном регионе наборы построек, в контексте хозяйственного потенциала отдельно взятой семьи, менее выразительные [4, с. 96–120; 5, с. 158 и сл.]. Ни на городищах, ни на селищах Маяцком, Дмитриевском, Ютановском и других значимых памятниках лесостепной зоны СМК, даже в Саркеле, жилые и хозяйственные постройки не объединены в сколько-нибудь очевидные комплексы. Причины «умеренности» хозяйственного уклада населения лесостепной «Алании» (К. К.) заложены в системе его формирования в условиях северо-западного пограничья Хазарского каганата, в пределах которого оно выполняло в основном «служилые» обязанности [24, с. 10]. Основная занятость расселившихся вдоль пограничья людей связана с военным делом, о чем убедительно свидетельствуют наборы оружия, амуниции воинов, конские упряжи всадников из захоронений лесостепного Доно-Донцовья [1; 20; 25, с .69–90 и др.]. Хозяйственные вопросы, в условиях определенной обеспеченности «служилого населения» провиантом, не являлись приоритетными.

Хозяйственные структуры в материалах степных селищ СМК

Еще в 60-х гг. XX в., анализируя памятники степной части СМК в бассейне реки Дон, было обращено внимание на оседлость здешнего населения, постройки соответствующие отраслям хозяйства, присутствие индивидуальных дворов и даже усадеб [17, с. 314]. Привлекли внимание и выразительные культурные горизонты поселений, локальные скопления золистости, некоторые другие визуальные признаки – свидетели регулярной хозяйственной деятельности [26, с. 65].

Наглядной иллюстрацией таких же признаков являются памятники СМК степных массивов, в частности их поселения, суммарная исследованная площадь которых составила более 30 тыс. м^2. Первое, на что обратили

внимание – состояние культурных горизонтов селищ величиной в пределах 0,5 м, то есть в глубинах – 0,35–0,8–0,9 м от современной поверхности. Внутри строений величина слоя заполнения варьируется и достигает 2 м в постройках, 3 м и более в ямах-погребах, ямах зернохранилищах.

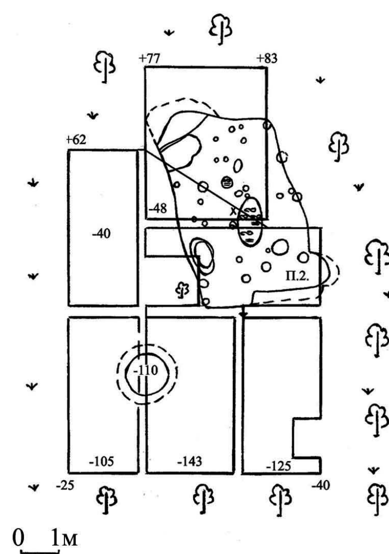
Важно обратить внимание на расположение построек. По ним определяем систему индивидуальных строений, обустройство небольших дворов, крупных подворий, хозяйственных участков, на последних сосредоточены постройки общего пользования, в том числе связанные с совместными производствами, например, гончарством [10, с. 267–277; 13, с. 60–69]. Рассмотрим объекты, непосредственно относящиеся к хозяйству.

На селищах степного Подонцовья выделено четыре структурных хозяйственных комплекса. Первый – замкнутый, обустроен на ограниченном пространстве, с набором строений, минимум необходимых к бытовой и хозяйственной адаптации обычной малой семьи. В данном случае подразумеваем жилую и хозяйственно-бытовую системы зачастую расположенные под общим им перекрытием. Простейшие варианты (1-а), так называемых «закрытых комплексов» включают жилую постройку, порой почти землянку и здесь же в углу, либо в стенке хозяйственно-бытовую часть. В ней обычно хозяйственная яма, кладовая, пекарня. Общая их площадь не превышает 20–25 м^2 (рис. 1, 1–4).

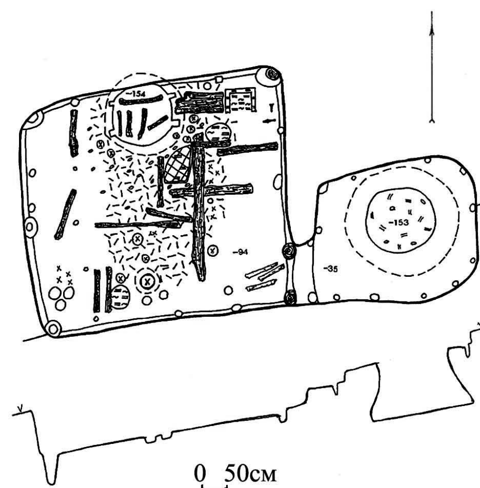
Усложненные варианты (1-б) «закрытых комплексов» предполагают дополнительные строения-пристройки (стойло, кухню, гончарную мастерскую) соединенные с жилищем с помощью переходов (рис. 2, 1–2). Площадь комплекса возрастает до 30–35 м^2. Сложный вариант (1-в) этих же комплексов порой состоит из нескольких частей соединенных проходами в единый комплекс площадью до 45–50 м^2 (рис. 2, 3) [11].

Обозначенные 1-а,б,в варианты «закрытых комплексов» одинаково встречаются на каждом из селищ степной СМК и не вызывают сомнений пребывания в них отдельных семей в условиях индивидуальных хозяйств и их собственности. Они не только вписываются в общую планировку селищ, но как бы растворены в системе других, более крупных хозяйственных структур.

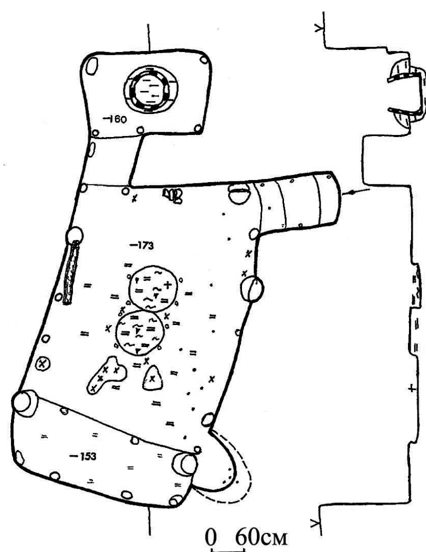
Вторым хозяйственным подразделением являются дворы. В отличие от «замкнутых комплексов» они, помимо жилища, включают постройки: кухню, стойло, гончарную мастерскую, хозяйственные ямы, погреб, все это в определенном удалении от жилища. Следовательно, набор строений на ограниченном пространстве территории поселения обычно определяем понятием «двор», обеспечивающий социальную и хозяйственную адаптацию семьи в условиях селищного социума и экологической степной среды. Число построек во дворах в пределах 3–5 с общей площадью застроек от 35–40 до 60–65 м^2, здесь же пространства 200–250 м^2, не занятые под постройки. Постройки «спланированы» таким образом, чтобы оптимально оконтурить участок и этим обозначить, как бы «закрыть» территорию двора, ко-

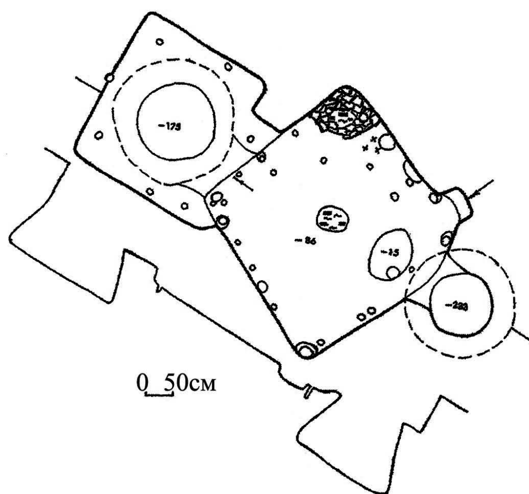
1.

2.

3.

4.

Рис. 1, 1–4. Индивидуальные закрытые жилые комплексы селищ Рогалик, Подгаевка, Давыдо-Никольское

торую иногда также «ограждали» каменной кладкой, состоящей из 2–3 рядов обычного природного рваного мергеля (рис. 3, 1). Не исключено, что таким же приёмом оконтуривали подворье. В сравнении с ограниченными вариантами строений характерными «закрытым комплексам», внутренние обустройства дворов заметно разнообразнее. Например, во дворах находились глинобитные обожженные площадки, на которых могли выполнять различные хозяйственные работы, здесь же пятна обожженности почв от очагов открытого вида, обязательным компонентом дворов являются хозяйственные ямы, иногда погреба, навесы.

Наиболее крупной и сложной структурой, имевшей отношение к индивидуальному хозяйству является «подворье» – третья структура, по существу полноценный хозяйственный комплекс. Понятие «подворье», применительно к СМК, в археологической литературе, видимо, обозначалось как «усадьбы» [23, с. 68–70]. Однако это понятие, в нашем представлении отождествляется с институтом собственности а, следовательно, уже государственностью. На селищах же степной СМК, в лучшем случае, удалось проследить постройки и комплексы построек в структуре сельской общины.

Под «подворьем» подразумеваем жилые строения дополненные постройками хозяйственного, производственного, бытового назначения в пределах значительного пространства. В своем комплексе они обеспечивают не только среду обитания, но и хозяйственную самостоятельность отдельной семьи, связанной с промыслами, земледелием и скотоводством. К числу строений, задействованных в этих отраслях, относим амбары, стойла, навесы, сушильные приспособления, площадки обмолота и другое. Утилизация зерновых продуктов осуществлялась в пекарнях, кухнях; хранение мясных припасов в погребах-холодильниках (рис. 5,7).

В системе хранения зерна использовали четыре способа. Первый – в неглубоких до 1,5 м колоколовидных ямах внутри построек, обычно в жилищах, сооруженных в сухих, плотных, буквально, заизвесткованных лессах. Второй – в ямах с навесами над ними, обеспечивающими защиту от осадков за пределами строений (рис. 1, 2, 4). Третий – на чердачном пространстве [12, с. 1–10, рис. 3–5]. Четвёртый – в корчагах, установленных в постройке типа хлев [15, с. 14–18, рис. 29, 33].

Хлев в хозяйственной практике салтовского населения не только складское помещение, но, как известно, и стойло для скота (рис. 6, 6). Содержание животных в закрытых помещениях известно как в зимний, так и в летний периоды. В первом случае речь идет о дополнительно обогреваемых помещениях предназначенных под содержание молодняка в холодное время года, во втором, с целью защиты его от хищников в ночное время. Чаще всего на территории подворий стойла представляли собой самостоятельные строения, хотя имеются примеры соединения их с другими постройками, например, жилищами [16, с. 16–25, рис. 55, 66, 79.]. Приплод животных могли содержать в одном с людьми помещении, о чем сообщают эт-

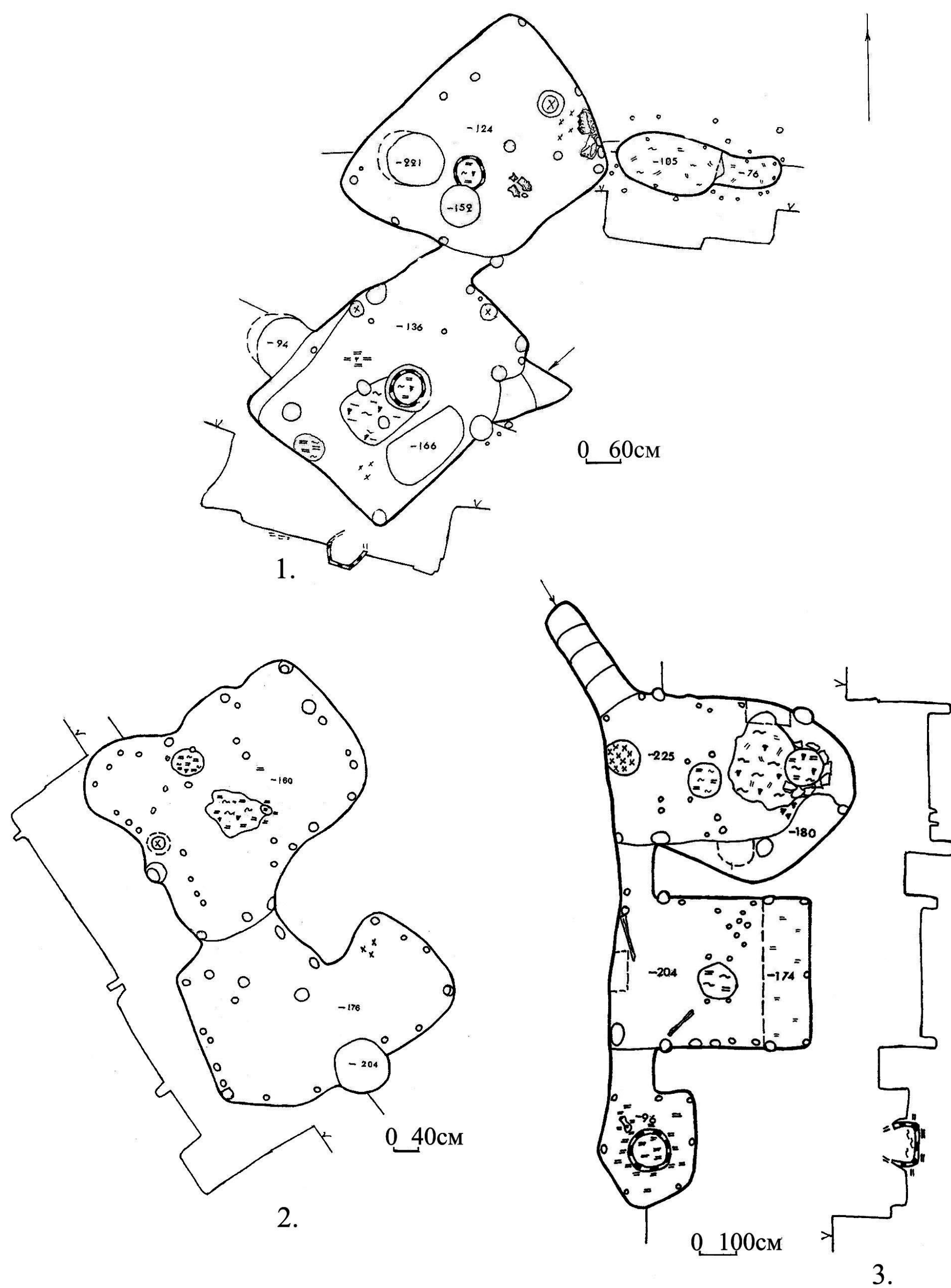

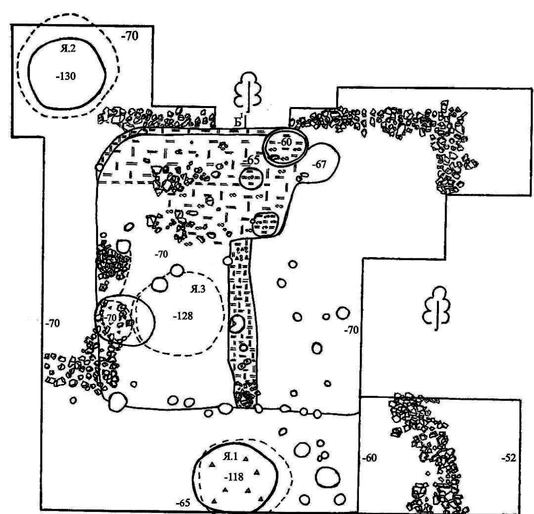
Рис. 2, 1–3. Жилищно-хозяйственные бытовые комплексы Новолимаревки, Подгаевки

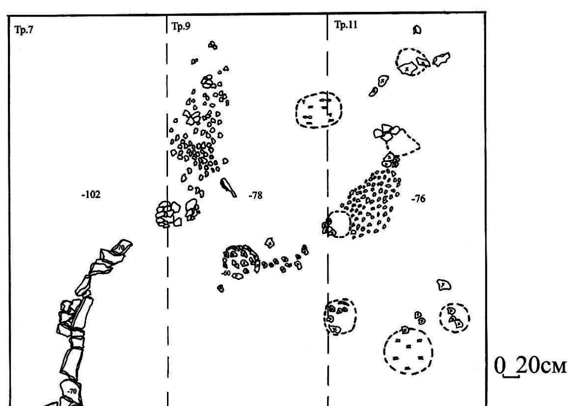
нографические данные [19, с. 210–211]. Таким образом, подворье – наиболее полный комплекс разнофункциональных строений обеспечивающих стабильную и автономную хозяйственно-промысловую деятельность семьи базирующейся на сельскохозяйственном потенциале. Однако размеры подворий определяют наличие, или, напротив, ограниченность свободных участков в пределах границ селищ, словом, внутриселищной плотности застроек. Обозначенные факторы прослеживаются на каждом из исследуемых нами поселений. К примеру, селище у с. Давыдо-Никольское занимает пространство до 180 тыс. м², здесь зафиксированы как бы хутора, удаленные один от другого на расстояние от нескольких десятков до 150 м, что побудило выделить на его пространстве так называемые участки (рис. 4, 1). Конкретные данные о подворьях получены при раскрытии горизонтов СМК на участках I и IV. Исследование площади участка I составило около 1000 м², участка IV – 1500 м², на обоих обозначены подворья площадью около 250 и 480 м² каждое (рис. 4, 2–3).

На селищах, площади которых ограничены не только ландшафтом, но определены в основном плотностью застроек (Рогалик, Новолимаревка), подворья, как вид хозяйственного комплекса, пока не выявлены. Здесь индивидуальный хозяйственный уклад ограничен дворами, площадь которых не превышает 120–150 м², пристройки же в них составляют 35–45 м².

Подворья иногда оконтурены невысокими в 2–3 ряда камней стенами, сложенными без раствора из необработанных глыб мергеля (рис. 3, 2). Внутри подворий, на незанятых под строения территориях, фиксируются очаги открытого вида дооформленные небольшими камнями, вымостки из обломков горшков, в основном корчаг, глинобитные обожженные площадки, зольники. Здесь же выявлены площадки и ямы, в которых выжигали древесный уголь, используемый в качестве топлива для манкалов (рис. 3, 3), иногда жертвенники в виде частей туш животных домашнего стада. В целом же горизонт подворий насыщен остеологическими останками, развалами и отдельными фрагментами горшков, но более всего корчаг. Ссылаясь на обозначенные признаки, складывается представление о том, что подворье не только отдельно обустроенный хозяйственный организм, но и семейный сакральный центр.

Подворья, естественно, не центральное и завершающее звено хозяйственных структур населения, но одно из их составляющих. Природные ресурсы создаваемых общиной продуктов находились в расположенных вблизи приселищных зонах. Подворья в таком случае не более чем место складирования, переработки и приготовления пищи отдельной семьи. В них же функционировали промыслы, в первую очередь гончарство. Следовательно, подворья соответствуют развитому периоду СМК, определяемому второй пол. IX – первой пол. X вв. Этот период истории СМК степного Подонцовья следует обозначить как время состоявшейся оседлости [14, с. 122–124].

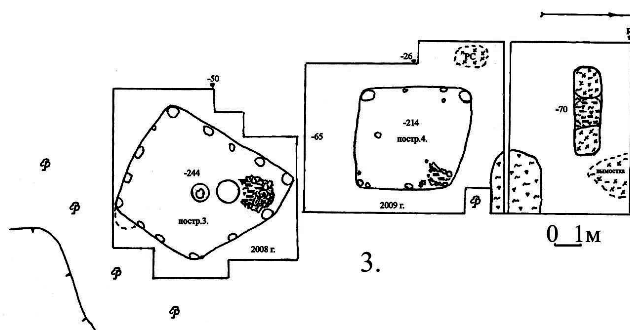

Рис. 3, 1–3. Каменные стены и хозяйственные заполнения дворов

На селищах так называемые индивидуальные семейные хозяйственные коммуникации сосуществуют с комплексами совместного пользования. Они зафиксированы в двух системах: специализированных хранилищах зерна, и мастерских обжига заведомо изготовленной в индивидуальных условиях посуды. Местом средоточения зерна являлись амбары, состоящие из нескольких зерновых ям (рис. 5, 1–4). Как строения хозназначения, их размещали на свободных участках, но непременно в черте селищ. Ямы во внутриамбарных пространствах обычно находятся на близком расстоянии, так что между их стенами, порой всего от 0,5 до 0,7 м (рис. 5, 1, 3). Иногда из-за обрушения перегородок две-три ямы ещё в салтовское время были соединены в одну продолговатую, восьмёрковидную систему (рис. 5, 2). Обязательным дополнением рассматриваемых строений являются сооруженные над ними навесы а, возможно, и облегченные стены, одинаково предупреждающие проникновение осадков вовнутрь помещения. Количество ям средних (2–3 м^3) и крупных (5–7 м^3) объемов в такой постройке в пределах от 4 до 10, следовательно, их суммарный объем составляет от 12 до 30–35 и более метров кубических. Ссылаясь на данные зернохранилищ, инструментария зерноуборки (серпы, фрагменты кос), зерносушильных жаровен, зерноперерабатывающих жерновов, печей-тандыров предназначенных для выпечки хлебопродуктов, можем сделать заключение о значительной роли на этой территории СМК зернопроизводства. Из всей серии источников наиболее существенными на наш взгляд следует назвать зерновые ямы, предназначенные под продолжительное хранение зерна. Ямы-зерновики сооружены в плотных лёссовых почвах, верх у них цилиндрический, к низу расширяющиеся в форме конуса или колокола. Глубина ям колеблется от 1,8 до 3,5 м при диаметрах дна от 1,5 до 2,5 м. Масса зерна необходимого для заполнения ямы с объемом 5–8 м^3, с учётом веса в 1 м^3 около 750–770 кг, могла составить 3,5–5,5 тыс. кг. Учитывая, что амбарные комплексы Рогалика, Новолимаревки состоят из 4–6 и более ям следует, что при одновременном их заполнении в каждом амбаре могло храниться до 15–20 тонн зерна. Рядом с амбарами, но уже за их «стенами» находятся ямы помельче с объемами 1,5–2 м^3. Такие же ямы или ещё меньших объемов находятся в жилищах и пристройках к ним, во дворах и подворьях. В 3–4 ямах суммарная масса одновременного заполнения могла составить от 3 до 4,5 тыс. кг. Примерно столько зерна необходимо для обеспечения семьи из 6–8 человек на годовой период полеводческого межсезонья.

Таким образом, на степных селищах хранение зерна сосредоточено в основном в ямах, обустроенных как при постройках или внутри их, то есть во дворах, подворьях так и специальных амбарах. Амбарные условия хранения злаковых культур не только показатель уровня сельского хозяйства, но и индикатор социального положения населения вовлеченного в экономическую систему Хазарского каганата.

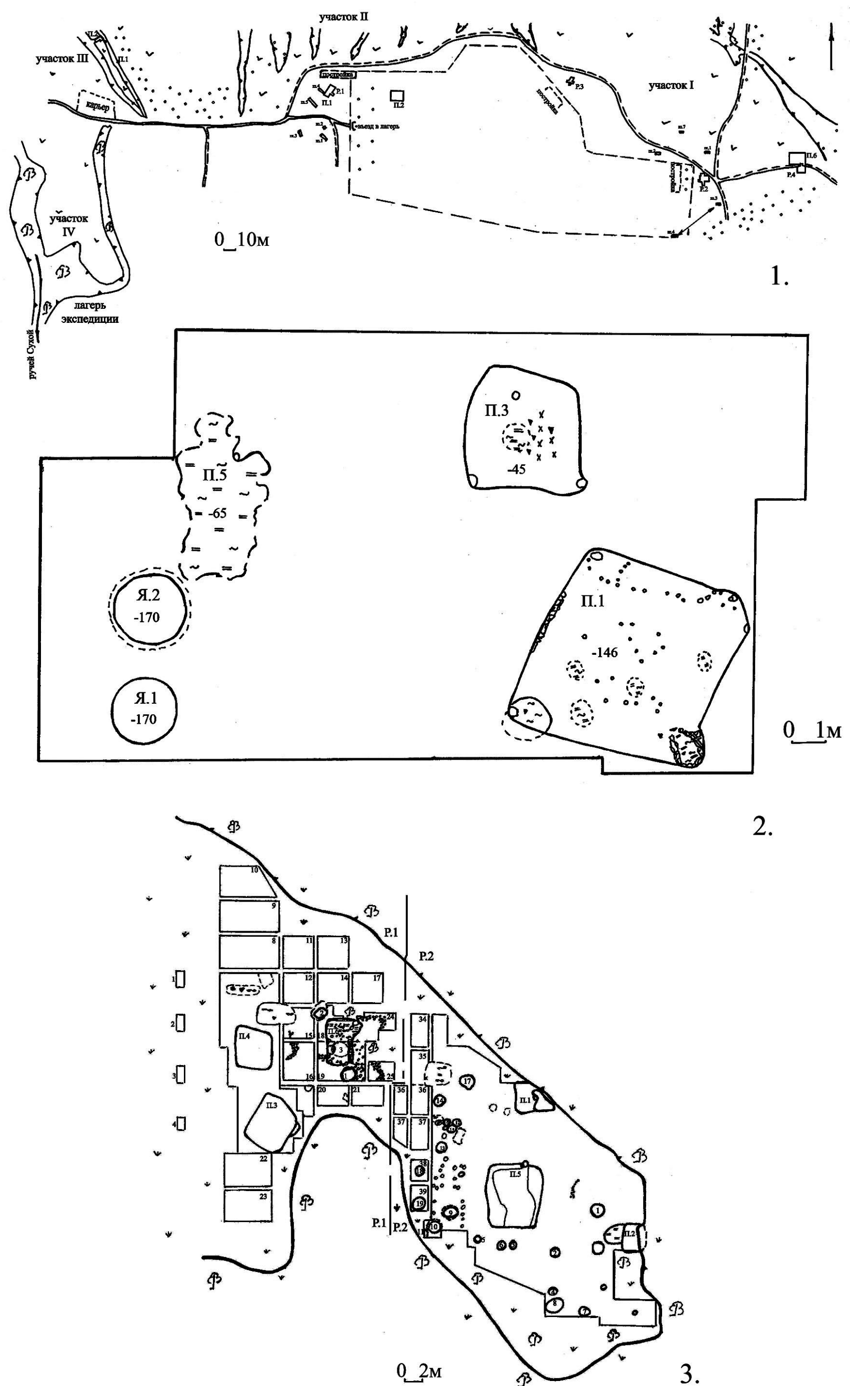

Рис. 4, 1–3. 1. План участков селищ Давыдо-Никольское.
2. Подворе участка I. 3. Подворье участка IV.

Амбарный способ, обеспечивающий концентрацию и сохранение зерна, выявлен на двух крупных селищах степного Подонцовья – Новолимаревка, Рогалик. Есть основания полагать, что и другие поселки такого же типа являлись центрами сбора и временного хранения зерна до отправки его в форме дани в хазарские центры-города, каким мог быть Саркел. Сбор, вероятнее всего, осуществляла сама община посредством круговой поруки. Определенный объем зерна вносило не только население конкретного селища, но и обитатели окрестных посёлков одинаково занятых сельским хозяйством в пределах так называемых «потенциально ресурсных земледелию приселищных зон» [9, с. 61, 77, 94 и др.].

Ясно, что часть зерна, как необходимый продукт, оставляли в семьях, поэтому множество различной величины ям расчищенных на всех без исключения степных селищах вполне объяснимо. В этой связи опять же показательны данные раскопок поселения Давыдо-Никольское на Северском Донце [16, с. 16–25, рис. 55, 66, 79]. Южная окраина огромного селища расположена на мысообразной площадке на пространстве около 3 тыс. м^2, заключенном между оврагами. В восточной части мыса на площади 600 м^2, помимо жилых построек, выявлены участки, занятые под хозяйственные системы – подворье, дворы (рис. 4, 3). Особое внимание привлекают 19 ям расположенных полукружием на расстоянии 4–7 м от постройки хозяйственного назначения. Размеры и объемы ям различные, но в пределах от 0,5 до 3 м^3. Неодинаковы и их формы – в одних случаях они цилиндрические, в других, обычно более крупные ямы, колоколовидные. На дне ям остатки органики (полова), злаков (просо). Над частью близко расположенных между собой ям, видимо, был навес, от которого зафиксированы ямки опорных столбов. Жилые постройки (рис. 6, 1–3) здесь находятся в 10–15 м к западу от рассматриваемого хозяйственного участка. Центральным звеном подворья явилось строение в виде глубокой полуземлянки квадратной формы. В ней зафиксированы признаки перестройки в направлении увеличения площади и углубленности. Конкретные представления о ее назначении не обозначены, но по имеющимся признакам отнести к числу жилищ нельзя (рис. 6, 4). Вокруг рассматриваемой постройки в западном и южном направлениях сооружена серия обычных бытовых (хозяйственных) и специальных зерновых ям. Часть из них, близко обустроенные между собой, видимо, имели общее накрытие и уже этим напоминали амбарную систему, такую же как на Рогалике (рис. 5, 4), в Новолимаревке (рис. 5,3). Остальные ямы, видимо, связаны с системой индивидуального пользования под хранение злаков принадлежавших семьям. В этой связи очевидна ситуация, при которой на одном пространстве сосуществуют две системы с равным правом на часть территории общего им пространства, естественно, обеспечивая при этом и общую заботу по защите содержащегося в ямах зерна.

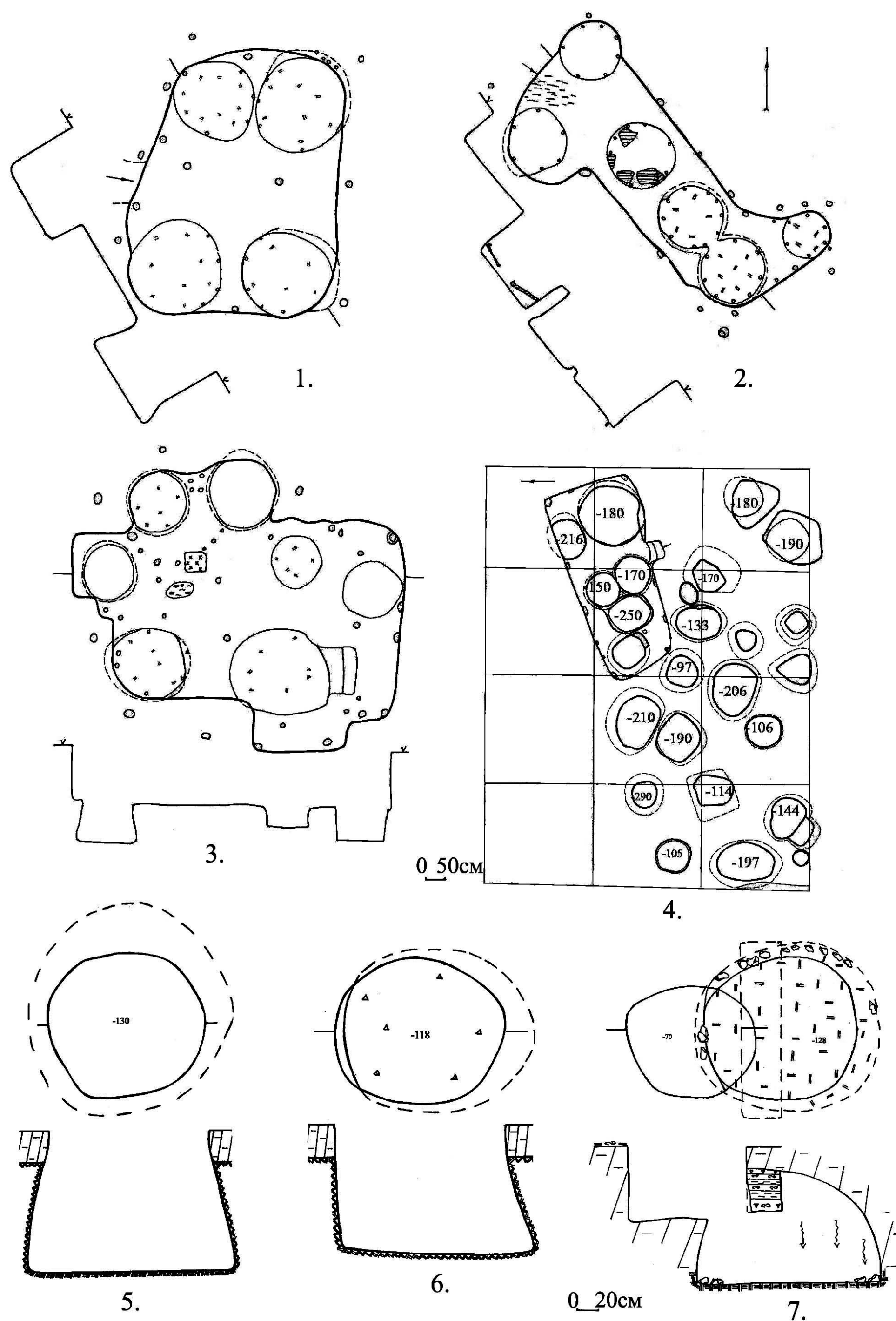

Рис. 5, 1–7. Зерновые ямы и амбары степных селищ Новолимаревка, Рогалик

Для более полной идентификации хозяйства населения степного Подонцовья следует затронуть скотоводческую отрасль. Признаки этого направления хозяйства, прежде всего в остеологических находках. По ним прослеживаются тенденции преобладания мелких животных домашнего стада над крупными, а также незначительное количество костей лошади и дикой фауны, в основном кабанов. Для обозначения состава животных и систем их содержания важную информацию предоставляют постройки-стойла, предназначенные для временного, в основном в холодное время года, содержания молодняка (ягнят, козлят, телят). Стойла обнаружены на всех поселениях. Для них характерны: прямоугольная удлиненность, наземность, или с углубленностью не более 0,3–0,5 м. Площадь их в пределах 15–20 м^2. Внутри обустроены кормушки, сточные каналы, очаги обогрева (рис. 6, 6). Среднее число животных в стойлах, видимо, не превышало 10–13 до 15 особей. Судя по размещению стойл вплотную к жилым постройкам, либо в структуре построек подворий, их, видимо, следует относить к числу приспособлений обеспечивающих индивидуальные хозяйства, в системе одной или нескольких небольших семей. Загонов и построек, рассчитанных на содержание значительного поголовья, не прослеживаем.

За пределами жилой части селищ, или как минимум на их окраинах, обычно обустраивали гончарные мастерские, в которых осуществлялся обжиг посуды [10, с. 267–277; 13, с. 60–69]. Практика создания специализированных гончарных «хуторов» известна на Маяцком комплексе [27, с. 92 и сл.].

Итак, бытовой, производственный, хозяйственный потенциал населения степной части СМК сосредотачивался как в индивидуальных, так и коллективных структурах. Производимое общиной или отдельными её группами, семьями – членами селищного сообщества зерно, как необходимый провиант существования самой общины, одновременно являлось данью, которую в определенном объеме надлежало сдать хазарской администрации [8, с. 63–64]. Дань «полюдье» являлась одной из реальных и стабильных статей хазарской экономики, создаваемой земледельческо-скотоводческой отраслью периферий каганата. В этой связи, казалось бы хозяйственно развитый степной регион Подонцовья вряд ли пребывал во внутреннем расцвете, так как основная масса прибавочного продукта, столь необходимого для развития, в виде дани уходила на обеспечение той части населения Хазарии, которое состояло на службе в пограничьях. Поэтому при анализе экономики Хазарского каганата в целом следует предметно определить хозяйственную систему регионов, входивших в его состав [7, с. 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксёнов В. С.* Об уровне вооруженности населения салтовской культуры: (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. – Харків, 1998. – № 413: Історія. – Вип. 30. – С. 39–51.

2. *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. – М.-Л., 1958. – № 62. – 426 с.

3. *Артамонов М. И.* История хазар. – Л., 1962. – 523 с.

Рис. 6, 1–6. Жилые, бытовые, хозяйственные постройки СМК у с. Давыдо-Никольское (глубины от современной поверхности)

4. *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 95–135.

5. *Винников А. З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, ВГУ, 1998. – 215 с.

6. *Ибн-Фадлан.* Путешествие Ибн-Фадлана на р. Итиль – М.-Казань, 1992. – 93 с.

7. *Калинина Т. М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары миф и история. – Иерусалим, 2010. – С. 25–41.

8. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932. – 134 с.

9. *Колода В. В., Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев, 2010. – 215 с.

10. *Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. – 1976. – № 3. – С. 267–277.

11. *Красильников К. И.* Отчет о проведении археологических работ селища СМК у с. Новолимаревка Беловодского района Ворошиловградской области в 1976 г. // Науч. архив ИА НАН Украины 1976–77/141, ед.хр. 8984–85. – Ворошиловград, 1977.

12. *Красильников К. И.* Отчет о работах на селище СМК у села Петровка (Рогалик) Станично-Луганского района Ворошиловградской области в 1977 г. // Науч.архив ИА НАН Украины. 1976/142, ед.хр. 8986–87. – Ворошиловград, 1977.

13. *Красильников К. И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце //КСИА. – 1980. – Вып. 160. – С. 60 – 69.

14. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости //СА. – 1981. – №4. – С. 110 – 125.

15. *Красильников К. И., Тельнова Л. И.* Отчет о проведении спасательных работ на поселении СМК у пгт. Петровка Станично-Луганского района Луганской области // Науч. архив ИА НАН Украины. – Луганск, 1991.

16. *Красильников К. И., Красильникова Л. И.* Отчет о проведении раскопок на селище СМК у с. Давыдо-Никольское Луганской области в 2009 г. // Наук.архів ІА НАН України. – Луганск, 2010.

17. *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение // МИА. – М.-Л., 1958. – Т. I. – № 62. – С. 263–314.

18. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. – 1958. – № 62. – С. 85–150.

19. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов /Под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Штробаха. – М., 1989. – Вып. 3. – 222 с.

20. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. – 1955. – № 23. – С.131–168.

21. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – 147 с.

22. *Петрухин В. Я.* Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. – Воронеж, 2008. – С. 52–61.

23. *Плетнёва С. А.* От кочевий к городам // МИА. – М., 1967. – №142. – 198 с.

24. *Плетнёва С. А.* Хазары. – М., 1976. – 96 с.

25. *Плетнёва С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – 287 с.

26. *Плетнёва С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. – Воронеж, 2003. – 247 с.

27. *Плетнёва С. А., Красильников К. И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990. – С. 92–139.